

ВЫПУСК
156-й

В преддверии знаменательной даты — 150-летия вхождения Армении в состав России — проходят Дни литературы и искусства РСФСР в Армянской ССР. Этому предшествовали такие же праздничные и яркие дни литературы и искусства солнечного горного края в Российской Федерации. И, конечно, на многих выступлениях звучала и звучит музыка, написанная композитором Бабаджаняном. Нужно ли представлять читателям Арно Бабаджаняна? Все знают его песни, любителям серьезной музыки знакомы его сонаты, концерты, рапсодии, его мелодии звучали во многих фильмах... Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Всемирных фестивалей молодежи и студентов в Праге и Бухаресте, композитор Арно Арутюнович Бабаджанян — сегодня гость нашей 13-й страницы.

— Арно Арутюнович, прежде чем начать это интервью, хочу сделать одно признание: очень люблю ваши песни. Иной раз так и хочется запеть «Свадьбу» или «Благодарю тебя»...

— Что же, давайте споем (улыбается). Я всегда пою про себя свои мелодии или прослушиваю их беззвучно, так сказать, внутренним слухом. И знаете, после этого мне становится ясно, кто именно смог бы по-настоящему, как хотелось бы автору, исполнить ту или иную песню вслух.

— И кто же наиболее интересный, с вашей точки зрения, исполнитель ваших песен?

— Интересных много, и у нас, и за рубежом: София Ротару, Лев Лещенко, Эдуард Хиль, Янош Коош... Том Джонс, который, кстати, никогда моих песен не пел...

— Одни песни вмиг становятся популярными, другие быстро забываются. Как вы думаете, почему?

— Все зависит от компонентов формулы «музыка — стихи — исполнитель». Если быстро забыли, значит, кто-то из троих плох. Но многое зависит и не только от этого трио. Бывает, песня долго нигде не звучит и поэтому слишком поздно получает признание. А бывает наоборот, ее прокручивают по радио несколько раз в день, по разным программам: конечно, так она быстро надоеет. Признаться: как родители больше любят «трудных» детей, так и я очень люблю те свои песни, которые не вышли по-настоящему в большой эфир, остались не слишком-то замеченными.

— Нельзя ли заглянуть в вашу музыкальную лабораторию? Как вы рождаете песню? Су-

ществуют ли здесь какие-то закономерности?

— Думаю, что ни закономерностей, ни «технических правил» не существует. Можно представить, как пишется, скажем, интервью, или повесть, или пьеса. А вот песня... Откуда что берется — непонятно. Сочиняю не тогда, когда сажусь к роялю или беру карандаш в руки, а намного раньше... Но давайте последовательно. Есть такой способ сочинения, классический, когда пишут на готовый текст. Тут необычайно важно, какие стихи принесет поэт. Мы с поэтом не раз встречаем-

тогда «показываю» слушателям. Мелодия приходит сама — как приходит любовь, как приходит вдохновение. Песня по сути, по существу — это музыкальный репортаж из жизни (хотя уж чересчур прозаично звучит в данном случае слово «репортаж»).

— Ваш излюбленный жанр?

— Кроме песен, пишу музыку для кино, телевидения. Но главное, основное для меня все-таки серьезная музыка. Мечтаю написать концерт для фортепьяно с оркестром. Думаю о балете.

— А что было дальше?

— Занимался в училище имени Гнесиных, поступил в консерваторию. Началась Великая Отечественная война. Воевал под Смоленском, под Москвой... После победы снова учился — у Генриха Ильича Литинского. Под его руководством написал Первый концерт. Вот с этого концерта, пожалуй, и можно отсчитывать мою творческую биографию.

— Вероятно, основа была заложена в семье? Родители ваши — музыканты?

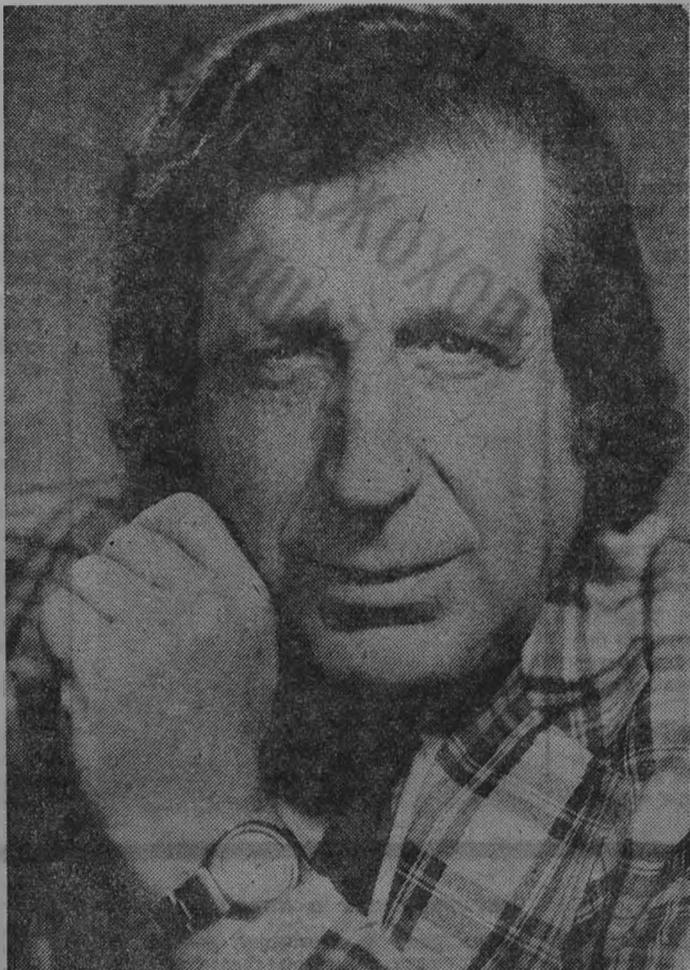
— Нет, они просто очень любили музыку. Отец однажды купил фисгармонию — на базаре, конечно. Инструмент этот был очень дорог для него, крестьянина, ставшего учителем, ему хотелось выразить в игре на фисгармонии свои чувства. Он вообще отлично играл на знакомых ему инструментах, на свирели например. Эх, не было тогда магнитофона! Как-то мы с отцом вместе играли знаменитую армянскую песню «Длечман» — вот бы записать наше совместное исполнение!...

Отец говорил мне: «Арно-джан! Твое счастье, что родился ты в советское время!» Да, это счастье! Я ведь почти ровесник Советской Армении. Еще маленьким почувствовал, что такое забота народа — в самом прямом смысле. Каким образом? Однажды в детском саду нам сказали, что сегодня придет «дядя из Москвы» выяснять, у кого из нас есть музыкальный слух. Когда очередь дошла до меня, московский гость послушал и сказал: «Этот обязательно должен учиться музыке». Радостный, я прибежал домой и сообщил об этом отцу. А тот,

бирался через Ростов (ГДР), где был музыкальный фестиваль стран Балтики. Словом, прилетел в опозданием в Рио-де-Жанейро. Никто не встречает, куда дальше двигаться — не знаю. Обратился к служащему аэропорта со словами: «ЮНЕСКО», «конгресс», «мюзик», «композитор». Он ничего не понял, но спросил: «Рашен?» («Русский?»). От радости я даже подпрыгнул. Нашли в аэропорту человека, который способен кое-как объяснить порусски. Оказывается, конгресс перенесен в Сан-Паулу. Помогли мне с билетом, и я отправился туда. А в аэропорту Сан-Паулу сразу увидел двух девушек, державших в руках плакат, на котором было написано фломастером: «Ба-ба-жа-нин». Встречали на всякий случай, думали, что этот непунктуальный «Ба-ба-жа-нин» уже вряд ли придет...

— Какие качества вы особенно цените в окружающих? И какая черта характера вам особенно неприятна?

— Люблю искренность, естественность, правдивость. Не переношу людей с «комплексами»: думают о себе и других одно, а говорят и делают совсем иное. В общем, да здравствуют естественность, натуральные чувства — и в музыке, и вообще в жизни!

Арно Бабаджанян

сл, я наигрываю ему «рыбу», самый приблизительный набросок мелодии. «Нравится?» — «Нравится, но, может быть, вот здесь вытянуть ноту (сделать ее короче)?». Я возражаю, поэт настаивает. В споре находим компромисс, середину. Когда мелодия нам «утверждена», вместе выбираем певца или певицу для первого исполнения. Хорошие стихи и удавшаяся музыка — это еще не все! Если прозвучала песня так, как задумали, как чувствуют в двух сердцах ее авторы, тогда мы оба с поэтом счастливы. Хорошее исполнение способно поднять песню, плохое — загубить. Предлагаю видоизменить слагаемые формулы: «самовыражение поэта плюс самовыражение композитора плюс самовыражение исполнителя»; сумма та же — песня.

— Но мелодии — они задолго до воплощения в нотах живут в вас или, бывает, то, что прозвучало внутри вас сегодня, сразу становится произведением?

— Очень редко бывает, чтобы сегодня и сразу. Обычно я долго «слышу» мелодию, вернее, то, что постепенно становится мелодией. Долго и много раз проверяю ее для себя. Когда окончательно убеждаюсь, что лучше сделать сейчас не смогу,

— Скажите, а любите вы слушать свои произведения в собственном исполнении?

— Не-е-ет! Вот уж сказали! И вообще мои работы, когда они вроде бы завершены, в очень скором времени перестают мне нравиться... К тому же я ведь не так хорошо играю на рояле, хотя и по специальности пианист. Закончил Московскую консерваторию по классу замечательного музыканта и педагога Константина Николаевича Игумнова.

— В созданном вами песенном калейдоскопе не забыли вы свою первую песню?

— «Песню первой любви»? Что вы! Никогда. (Медленно напевает). Песня первой любви в душе моей жива... Давненько это было... Но, кстати, самое первое сочинение я написал в восемь лет. Как сказал Экзюпери: «Все, что во мне есть, начинается с детства». Мой отец дружил с выдающимся армянским поэтом Егише Чаренцем. Чаренц первым выслушал мою первую вещь и спросил: «Как называется?» — «Пионерский марш». — «А ноты есть? Дай!» И на нотах он, тогда директор Армениздата, написал: «В типографию — 1.000 экз.». Через месяц я увидел издание с моей фотографией!

кроме прочего, был шутник. «Я, — сказал, — раньше «дяди» об этом знал». Мне тогда исполнилось всего пять лет — в 1926 году. Имя «дяди» было Арам Хачатурян... Мне повезло на учителей, и это, наверно, одна из самых великих удач в моей жизни.

— Сами вы, вероятно, тоже впоследствии искали таланты, занимались педагогикой?

— В начале 1950-х годов в Ереванской консерватории у меня было три выпуска. Работал увлеченно, не щадил студентов, как, впрочем, и себя. Но почувствовал, что педагогике надо отдавать всего себя. А хотелось и писать, творить... Да, были и у меня очень способные ученики, среди них, например, Ваагн Стамболцян, ныне известный органист, или Роза Танделян — теперь ведущий педагог по классу фортепьяно в Ереване.

— Вы столько ездите по свету, побывали во многих странах. Случалось с вами в этих поездках что-то необычное, может быть, курьезное?

— Бывало и такое. Однажды мне поручили представлять нашу страну на конгрессе ЮНЕСКО по музыке, проходившем в Бразилии. На открытие конгресса я опоздал дня на два: до-

— Есть у вас настольная книга?

— Очень люблю перечитывать Достоевского и Льва Толстого. Люблю книгу «Подводный итог» Сомерсета Моэма. Мне кажется, в этом сочинении можно найти ответ на любой творческий вопрос. Моэм, работая над этим произведением, считал, что скоро умрет. Знаю его книгу почти наизусть, хотя и не подчеркиваю строки и не делаю выписки.

— Как вы предпочитаете отдыхать?

— За игрой в нарды. Или на трибуне стадиона во время хорошего футбола, каковой выладеет теперь реже, чем раньше. До войны я ходил на все до единого московские матчи. День встречи «Динамо» и «Спартака» был для меня грандиозным праздником. Сегодня, пожалуй, уже можно признаться: однажды, чтобы непременно попасть на такой матч, прошел на стадион за сутки до игры и ночевал под трибунами (тогда лишние билеты было почти невозможно достать). Теперь смотрю игры по телевизору. В перерывах матча моя «обязательная программа» — разгадывание кроссворда.

Гостя расспрашивал
Гегик КАРАПЕТЯН.